

VI. Рецензии

Психология конформизма

Сергей Яров. Конформизм в Советской России: Петроград 1917-1920-х годов. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2006 570 с.

Обычно считают, что для изменения общественного сознания требуются годы и годы.

Однако петербургский историк профессор С.В. Яров полагает, что советская психология сформировалась довольно быстро – в течение 3-4 лет после революции. А в интервью газете

«Город» он еще более категоричен: «Любой народ, даже обладающий культурными традициями можно сломать за несколько месяцев. Немецкий народ сломали за полгода, например». (<http://www.gorod-spb.ru/story.php?st=10266>).

С.В. Яров глубоко и основательно изучил как опубликованные, так и архивные, источники периода 1917 – конца 1920-х годов, включая местные архивы Петербурга и области, газеты тех лет, в том числе и многотиражки. Итогом его работы стали такие книги, как «Горожанин как политик: революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградца» (СПб, 1999); «Крестьянин как политик: крестьянство северо-запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест» (СПб, 1999); «Пролетарий как политик: политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг.» (СПб, 1999); «Источники для изучения психологии российского общества XX века» (СПб, 2003) и другие.

Книга «Конформизм в Советской России» в какой-то степени как бы суммирует выводы упомянутых изданий. Речь в ней идет об истории и психологии советского конформизма. Причем понятию «конформизм» автор не дает моральной оценки: оно для него – нейтрально. Этот термин он использует потому, что «он в большей степени учитывает совокупность техник формирования лояльности, нежели такие понятия, как «подчинение», «приспособление», «группирование» или «согласие». Последние ... отражают лишь отдельные элементы данных техник».

Как люди приспосабливались к «правилам игры», как они становились «частью нового режима»? «Было ли это приспособление вынужденным или желанным, искренним или фальшивым, осознанным или невольным»? Автор полагает, что сами люди не смогут внятно сказать, что стало для них ключом к «обращению» в большевизм»: им будет мешать «чужой» язык, «который скроет их мета-

ния и сомнения чеканкой не ими придуманных клише». С. Яров предлагает изучить лишь «некоторые инструменты лабораторий конформизма». Разделы его книги таковы: «Инструменты подчинения», «Конформистские лаборатории», «Конформизм в различных социальных слоях».

В первой части речь идет о политическом воспитании и о системах аргументации, применявшихся большевиками в первые послереволюционные годы. Первый послереволюционный этап пропагандистской деятельности РКП(б) автор вполне справедливо считает «в какой-то мере» импровизационным. «Инерционно развивались ... формы», которые получили особый размах с февральских дней: митинги, демонстрации, пресса. Но все это уже в условиях «огосударствления агитационных партийных структур».

С. Яров замечает, несколько наивно, что у авторов партийных документов нет и тени сомнения «в том, имеют ли они право делать каждого борцом за коммунизм». Постоянно смешивалось партийное и общее воспитание, школьное и коммунистическое. К 1921 г. укрепились такие формы агитмассовой работы: дома просвещения, клубы, партийно-советские школы, фабрично-заводские собрания, агиткампании, лекции, живые газеты, различные кружки... Пропагандистские программы «были нацелены на усиление «тотальности» системы воспитания... Они, как спрут, опутывали своими щупальцами все большее число людей, и не давали им ускользнуть, замкнуться в себе, отгородиться от политики и государства...».

Для реализации всех этих задач нужны были агитаторы. И они готовились в системе партийного просвещения, которая к началу 1920-х гг. была трехступенной: 1. политкружки и школы политической грамоты; 2. районные партшколы и совпартшколы; 3. марксистские кружки при райкомах партии и партийных клубах. «Венчала эту пирамиду Высшая партийная школа. Она открылась в декабре 1920 г.».

В школах политграмоты и в первых партшколах изучался весьма широкий круг тем: история государства, социализма, Интернационала и РКП(б), основы Советской Конституции, аграрный вопрос и национальная политика. «Изучение истории Интернационала, - замечает автор, - могло укрепить колеблющихся коммунистов в том, что они не одиноки в своей борьбе, а испытавших нужду и лишения беспартийных – в том, что их страдания скоро прекратятся». Тема же неравенства в снабжении рабочих и чиновников «открыто не обсуждалась и нередко замалчивалась».

Школой политвоспитания безусловно являлся и комсомол. Здесь тоже была трехступенная система обучения: 1.«кружок для новичков» («союзная школа»); 2. политкружок; 3. ленинский кружок. Все это усиливало контроль за поведением и настроениями комсомольцев, «позволяло принимать превентивные меры в том случае, если замечалось влияние оппозиции».

Особенно примечательными, на мой взгляд, в книге Ярова представляются главы «Системы аргументации» и «Большевизация» языка». Многие лозунги и аргументы возникли еще в послефевральский период: слово «буржуй», лозунг «Вся власть Советам» и др.

Яров рассматривает такие клише как «народ», «рабоче-крестьянская власть», «белогвардейские банды». К последним вскоре стали относить и социалистов как «пособников» белогвардейцев. Можно сказать, что семантическую войну большевики выиграли! «Аргументы от многократного употребления... переставали казаться «чужими» - их не опровергают, их используют». Яров отмечает, что для противников большевиков из социалистического лагеря (меньшевиков и эсеров) это было проще, чем для правых: у них была общая с большевиками в прошлом борьба против самодержавия, «общее поле социалистической догматики». Впрочем, это не спасло и их: травля, вытеснение из Советов, аресты ... «Бесконечные рассказы об устройстве ими [меньшевиками и эсерами – Б.В.] взрывов поездов и поджогах электростанций и заводов, о расстрелах рабочих и т.п., должны были привести читателя или слушателя к мысли о необходимости сильной власти, способной защитить «трудящихся» от их псевдо-друзей». Добавим, что все эти рассказы подготовили психологическую почву для будущих процессов по делам «вредителей», начиная с «Промпартии» и кончая «врачами-убийцами».

«Большевизированный» политический язык, - считает Яров, - не возник в одночасье, а представлял собой усложненный вариант языка «народнической» литературы. Но и антибольшевистские программы строились на народнических клише. И это «ограничивало размах выступлений...устанавливая пределы политического инакомыслия».

На собраниях и митингах рабочих призывали смириться с трудностями, ссылаясь на войну с «белыми бандами», а после окончания гражданской войны – на капиталистическое окружение. Но «любой рассказ о трудностях имеет оптимистическую концовку. Такой разговор не проходит бесследно. Продолжаясь ежедневно, сближая управляющих и управляемых, помогая обрести им понятный обоим язык, он превращается в лабораторию конформизма, где унифицируется политическое мышление и политическое поведение масс». Если люди жаловались, то обычно сопровождали свои жалобы политическими оговорками, которые должны были подчеркнуть лояльность просителя или его право на получение привилегий. «Политическая мимикрия определялась материальными интересами... Просители знают, что хотят услышать власти, и понимают, какая риторика здесь уместна». Как пример, Яров приводит текст записки на Беспартийном совещании рабочих Петрограда в апреле 1921 г.: «Просим разрешить свободную торговлю. Власть Советов будет крепче тогда».

Много внимания автор уделяет забастовкам петроградских рабочих и служащих после октября 1917 г. Власти объясняют забастовки влиянием меньшевиков и эсеров, тем самым «отчасти снимается вина за забастовки с рабочих, поскольку

это противоречило официальной сакрализации пролетариата». Если забастовки до революции – это проявление классовой борьбы, то в Советском государстве – это прежде всего происки контрреволюционеров, это вообще не «забастовки», это «волынки» (заметим, что в таком значении слово «волынка» встречается и в официальных документах в 1950-1960-х годов, однако, даже в словари посткоммунистического периода оно не попало).

Петроградские рабочие больше всего недовольны были системой привилегий. Когда какой-либо рабочий на собрании выступал против особых пайков для «ответственных» работников, то обычно его обвиняли в «шкурничестве». Действительно: ведь речь шла в те годы о выживании. Яров приводит пример 1919 г., когда «вербовщики» предлагали рабочим вступать в РКП(б). Обычно «вербовщики» слышали стандартный ответ: дайте хлеба, тогда и запишемся в партию.

Что касается особых пайков и привилегий, то обычно агитаторы или категорически опровергали их существование, или признавали, но с различными оговорками (пайки есть, но они скоро будут отменены; пайки есть, но они оправданы). На собрании рабочих фабрики «Скорород» в апреле 1921 г. поступила записка: «А почему ответственные работники ездят на автомобиле, а для нас трамваи даже не ходят». Ответ был такой: «Эх, товарищи, ответственные работники с удовольствием бы побывали на вашем месте и ходили бы пешком, покрикивая о недостатках. Да и вы сами сказали бы, что человеку, который от работы с ног валится, нужно дать автомобиль».

Автор книги, на мой взгляд, ошибается, когда пишет: «Объяснение правомерности особых льгот для чиновников является элементом пропаганды любого политического режима – и демократического, и тоталитарного». В странах Северной Европы существует особая категория государственных служащих, не имеющая права бастовать. Взамен этого права у данной категории есть льготы: их нельзя уволить, пенсия их вдовам несколько выше, чем обычная. В эту категорию входят врачи, пожарники, почтальоны, железнодорожные контролеры, часть министерских работников... Однако никакой пропаганды со стороны «режима» для оправдания привилегий данной категории не ведется: эти привилегии регламентированы законом.

В целом книга С. Ярова – как и другие его работы – необыкновенно ценный анализ российско-советской ментальности. Обычно считают, что эта ментальность сложилась в результате репрессий 30-х годов. Яров же доказал, что перелом произошел гораздо раньше...

Борис Вайль